

Хоменко Всеволод Игоревич

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ИЗМЕРЕНИЯ

Специальность 22.00.06 «Социология культуры»

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре теории и истории социологии социологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

- Научный руководитель:** **Тощенко Жан Терентьевич**, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
- Официальные оппоненты:** **Каргина Ирина Георгиевна**, доктор социологических наук, доцент социологического факультета ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Рыжова Светлана Валентиновна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнической социологии Института социологии Российской академии наук
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Защита состоится «20» июня 2017г. в 15:00 на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.198.09 на базе Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, дом 6, корп. 5, ауд. 406.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГГУ по адресу: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, дом 6 и на официальном сайте организации по адресу: www.rsuh.ru

Автореферат разослан «28» апреля 2017 года.

Ученый секретарь
доктор социологических наук

Буланова М. Б.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования продиктована следующими обстоятельствами. Религиозность является одним из основных понятий социологии религии, отражающим состояние сознания верующих. В то же время религиозность является важным понятием публичного дискурса о состоянии и тенденциях развития общественного сознания, а в последнее время и в связи с решением актуальных социальных и политических проблем. Научная проблема измерения религиозности, таким образом, имеет теоретический и практический характер, влияет на общественное понимание соотношения социальной базы светских и религиозных ценностей, характеризует политические, экономические и культурные притязания различных верований. И несмотря на это, а может быть, именно поэтому, попытки дать ответ на простой, на первый взгляд, вопрос о том, каковы уровень и степень религиозности в России, сталкиваются с серьезными теоретико-методологическими затруднениями и оставляют широчайший простор для интерпретации их результатов. Так, в зависимости от теоретических и методических особенностей производящихся оценок доля религиозного населения варьируется от нескольких до 80-90 процентов.

Развитие социологии религии выразилось в создании большого количества теоретических моделей и эмпирических индикаторов религиозности, различающихся по степени своей обоснованности и адекватности изучаемому явлению. Они представлены как в отдельных исследованиях, так и стандартизированы в опросных инструментах регулярных обследований. При этом сложившаяся ситуация характеризуется рядом противоречий. Распространенное суждение о религиозном возрождении существует на фоне не столь значительных изменений реального уровня религиозности, сохраняющееся секуляризованное сознание сочетается с демонстративными обрядовыми или атрибутивными проявлениями, а трактовки самого понятия «уровень религиозности» нередко строятся на взаимоисключающих основаниях. Положение осложняется склонностью ряда исследователей изобретать показатели и производить оценки вне ясной обоснованной связи с той или иной научной традицией или концепцией религиозности.

На основании вышесказанного актуальность диссертационной работы определяется необходимостью осмысления положения, сложившегося в области измерения религиозности, и потребностью в дальнейшей работе по созданию теоретически обоснованного, методологически и методически корректного измерительного инструмента – как для оценки

уровня и степени религиозности, так и для анализа ее связей с другими переменными. Усилия, предпринимаемые в рамках подобной работы, служат делу продолжающегося развития отечественной социологии религии по модели «нормальной науки», которой свойственно опираться «на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности»¹.

Степень научной разработанности проблемы. Фундамент социологического анализа религиозности в значительной степени был заложен и представлен в исследованиях религии, осуществленных такими учеными, как О. Конт (концепция метафорического антропоморфного объяснения мира и консенсуса на основе религии), К. Маркс (концепция религиозной компенсации и отображения социальных противоречий в религиозной реальности), Г. Зиммель (формальная концепция религиозности), Э. Дюркгейм (трехчастная функциональная концепция сакрального), У. Джеймс (субстанциональная концепция личной религии), М. Вебер (концепция социальной деятельности по решению предельных вопросов существования) и т.п.

Религиозность как предмет научного анализа разрабатывалась такими учеными, как Г. Олпорт (концепция внутренней и внешней религиозности)², Й. Вах³, Й. Фукуяма⁴, Д. Ленски⁵, Р. Старк и Ч. Глок⁶, С. Опара⁷ (многомерные субстанциональные концепции религиозности), С. Гатри и Д. Баррет (когнитивистская концепция религиозного антропоморфизма)⁸, П. Хилл (многомерная функциональная концепция)⁹, Д. Угринович (комплексная концепция содержания, интенсивности и влияния религиозных верований)¹⁰, С. Рыжова (концепции культурно и этнически детерминированной конфессиональной

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 28.

² Allport G. W. The individual and his religion: a psychological interpretation. Oxford, 1950. 147 p.

³ Wach J. Sociology of Religion. Chicago, 1944. 412 p.

⁴ Fukuyama Y. The Major Dimensions of Church Membership // Review of Religious Research. 1961. N. 2. P. 154-161.

⁵ Lenski G. The Religious Factor. N.Y., 1961. 331 p.

⁶ Glock C. On the Study of Religious Commitment // Religious Education. 1962. V. 57. P. 98-110.; Stark R., Glock C. American piety: The nature of religious commitment. Berkley, 1968. 270 p.

⁷ Опара С. Параметры индивидуальной религиозности // Вопросы научного атеизма. 1975. Вып.17. С. 74-86.

⁸ Guthrie S. A Cognitive Theory of Religion [and Comments and Reply] // Current Anthropology. 1980. V. 21. N. 2. P. 181-203.; Guthrie S. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. N.Y., 1993. 336 p.

⁹ Hill P., Pargament K., Hood R., McCullough M. Jr., Swyers J., Larson D., Zinnbauer B. Conceptualizing Religion and Spirituality: Points of Commonality, Points of Departure // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2000. V. 30. N. 1. P. 51-77

¹⁰ Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985. 273 с.

идентичности)¹¹, Ю. Синелина (концепция религиозности-воцерковленности)¹², А. Онищенко, Н. Алексеев (типологии религиозности)¹³ и другими.

Почти вековую историю имеют целенаправленная разработка методов измерения в социальных науках и количественные эмпирические исследования религиозности. Разработка проблем измерения связана с именами С. Стивенса, Р. Кэттела, Л. Терстоуна, Р. Лайкерта, Л. Гутмана и т.д. Анализу проблем измерения религиозности, конструированию соответствующих измерительных инструментов посвящены работы Г. Олпорта и Д. Росса¹⁴, Д. Фолкнера и Г. Де Йонга¹⁵, Р. Клэйтона¹⁶, М. Кинга и Р. Ханга¹⁷, Ж. Биллье¹⁸, П. Хилла¹⁹, Е. Кадлецовой²⁰, Н. Алексеева²¹, И. Яблокова²², Ж. Ошавкова²³, Л. Игнатенко и Е. Прокошиной²⁴, Л. Ульянова²⁵, Н. Василевской²⁶, Л. Митрохина²⁷, Е. Пруцковой²⁸,

¹¹ Рыжова С. В. Становление православной идентичности русских: традиционно-культурные и гражданские основания // Социологические исследования. 2010. N. 12. С. 59-69; Русское самосознание и православная идентичность: между миролюбием и экстремизмом // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 318-344.

¹² Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. N. 7. С. 89-96.; Синелина Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. N. 11. С. 89-97

¹³ Онищенко А. С. Современная религиозность: состояние, тенденции, пути преодоления. Киев, 1987. 263 с.

¹⁴ Allport G.W. The Religious Context of Prejudice // Journal for the Scientific Study of Religion. 1966. V. 5. N. 3. P. 447-457.; Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. V. 5. N 4. P. 432-443.

¹⁵ Фолкнер Д., Де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. N. 12. С. 69–77; DeJong G. F., Faulkner J. E., Warland R. H. Dimensions of religiosity reconsidered: evidence from a cross-cultural study // Social forces. 1976. N. 4. P. 866-889.

¹⁶ Clayton R. R. 5-D or 1? // Journal for the scientific study of religion. 1971. N. 10. P. 37-40; Clayton R. R. The five dimensions of religiosity: towards demythologizing a sacred artifact // Journal for the scientific study of religion. 1974. N. 13. P. 135-143.

¹⁷ King M. B., Hunt R. A. Measuring the religious variable. Replication // Journal for the scientific study of religion. 1972. N. 11. P. 240-251; King M. B. Measuring the religious variable // Journal for the scientific study of religion. 1967. N. 6. P. 173-190.

¹⁸ Billiet J. Proposal for questions on religious identity // European Social Survey Core Questionnaire Development. London, 2002. P.339-383.

¹⁹ Hill P. C., Pargament K. I. Advances in the conceptualization and measurement of religion and spirituality: Implications for physical and mental health research // American Psychologist. 2003. V. 58. N.1. P. 64-74; Hill P.C. Measurement in the psychology of religion and spirituality // Handbook of the psychology of religion and spirituality. / eds.: Paloutzian R.F., N.Y., London, 2005. P. 43–61

²⁰ Кадлецова Е. Некоторые результаты социологического исследования религиозности в Северо-Моравской области Чехословакии // Вопросы научного атеизма. 1966. Вып.1. С. 240-272.

²¹ Алексеев Н. П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской губернии) // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 3. С. 131-150.

²² Яблоков И. Н. Методологические проблемы социологии религии. М., 1972. 133 с.

²³ Ошавков Ж. О методологии и методике конкретного социологического исследования религии // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 7. С. 135-167.

²⁴ Игнатенко Л. М., Прокошина Е. С. Опыт конкретных исследований психологии баптистов в БССР // Вопросы научного атеизма. 1971. Вып. 11. С. 250-263.

²⁵ Ульянов Л. Н. Опыт исследования мотивации религиозного поведения (на материалах социологического исследования в Земетчинском районе Пензенской области) // Вопросы научного атеизма. 1971. Вып. 11. С. 219-235.

²⁶ Василевская Н. С. Опыт конкретно-социологического исследования отношения к религии в современной городской семье // Вопросы научного атеизма. 1972. Вып. 13. С. 383-403.

И. Каргиной²⁹, Е. Кублицкой³⁰, Ю. Синелиной³¹, В. Чесноковой³², С. Лебедева³³, К. Каарияйнена и Д. Фурмана³⁴, М. Смирнова³⁵, Р. Лопаткина³⁶, С. Филатова и Р. Лункина³⁷, М. Мчедлова³⁸, М. Мчедловой³⁹, коллективов Фетцеровского института⁴⁰, исследовательской службы «Среда»⁴¹, Европейского социального исследования (ESS), Всемирного исследования ценностей (WVS), Международной программы социальных исследований (ISSP), Всероссийского центра изучения общественного мнения, Фонда «Общественное мнение», Аналитического центра Юрия Левады и др.

Таким образом, в области измерения религиозности накоплен большой теоретический и методологический багаж, который следует учитывать в текущих и будущих исследованиях. Построение адекватного научным и прикладным потребностям инструмента измерения религиозности требует постановки основных теоретико-методологических и методических

²⁷ Митрохин Л. Н. О методологии исследований современной религиозности // Конкретные исследования современных религиозных верований. М. 1967. С 35-51.

²⁸ Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. N. 2. С. 267-293; Пруцкова Е. В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. N. 2. С. 72-88.

²⁹ Каргина И. Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. N. 6. С. 108-115.

³⁰ Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. N. 4. С. 96-107; Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. N. 5. С. 95-103.

³¹ Синелина Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. N. 11. С. 89-97; Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. N. 7. С. 89-96; Синелина Ю. Ю. Изменение религиозности населения России. Православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян. М., 2006.

³² Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. 304 с.

³³ Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. N. 3. С. 153-169; Лебедев С.Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. 2010. N. 12. С. 85-94.

³⁴ Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. N. 6. С. 35-52; Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX - XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007, N. 2. С. 78-95.

³⁵ Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. N. 2. С. 62-73.

³⁶ Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2001. N. 4. С. 34-46.

³⁷ Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. N. 6. С. 35-45.

³⁸ Мчедлов М. П., Гаврилов Ю. А. О социальном портрете современного верующего // Социологические исследования. 2002. N. 7. С. 68-77; Мчедлов М. П., Нуруллаев А. А., Элбакян Е. С. Религия в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 1994. N. 5. С. 9-13; Мчедлов М. П. Религиозны ли молодые россияне? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. N. 2. С. 38-45.

³⁹ Мчедлова М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. N. 12. С. 77-84; Кофанова Е. Н., Мчедлова М. М. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. N. 2. С. 201-230.

⁴⁰ Fetzer Institute & National Institute on Aging Working Group. Multidimensional measurement of religiousness/spirituality for use in health research. Kalamazoo, 2003. 96 p.

⁴¹ Арена. Атлас религий и национальностей Российской Федерации. М., 2012. 239 с.

проблем и формулирования предложений возможного их решения на основе обобщения и анализа существующей литературы.

Объектом исследования является религиозность российского населения. *Предмет исследования* – теоретико-методологические основания измерения религиозности.

Диссертационная работа имеет целью выявить и оценить валидность основных методов социологического измерения религиозности и осуществить эксперимент по применению нового измерительного инструмента. Эта цель реализуется посредством выполнения следующих задач:

- 1) анализ концепций религиозности в социологии и смежных дисциплинах;
- 2) выявление основных параметров существующих теоретических моделей религиозности, определяющих их обоснованность и границы применимости;
- 3) рассмотрение распространенных признаков религиозности, используемых в количественных исследованиях, их классификация на основании их содержания;
- 4) анализ размерности социологических показателей религиозности;
- 5) анализ уровня измерения и корректности аналитических процедур при обобщении данных о религиозности;
- 6) определение и сравнение моделей, применяющихся при измерении религиозности;
- 7) формулирование и обоснование предложений по использованию определенного теоретико-методологического и методического дизайна при измерении религиозности;
- 8) экспериментальное построение шкал религиозности, отвечающих предложенному дизайну.

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту.

Научная новизна диссертации заключается в том, что данное исследование представляет комплексный анализ основных теоретических, методологических и методических проблем измерения религиозности, систематизацию и оценку валидности существующих способов их решения. Подобное системное и последовательное рассмотрение измерения религиозности необходимо для обобщения достижений социологической науки в этой области и для определения путей дальнейшего развития.

Новизна исследования в теоретическом отношении связана с произведенным синтезом трактовки религиозности Г. Зиммеля и когнитивного анализа религиозности Гатри / Баррета и Блейна и Нгуэна, а также в использовании когнитивно-ориентированной концепции религиозности при построении социологических измерителей.

В методическом отношении новизна работы заключается в том, что автор формулирует новые аргументы в пользу большей обоснованности одномерного (но не «одновопросного» / «single-item» – включающего один наблюдаемый признак)⁴² подхода к измерению религиозности в сравнении с многомерным, а также в пользу применения кумулятивных измерительных шкал в сравнении с другими моделями измерения, таким образом предлагая возможное комплексное обоснование когнитивно-ориентированного кумулятивного измерения религиозности. Создание такого измерительного инструмента не претендует на замену существующих шкал религиозности, но может явиться полезным дополнением инструментального арсенала количественных социологических исследований религиозности.

В диссертации сконструированы: (а) экспериментальная порядковая когнитивно-ориентированная шкала религиозности (и проведена ее эмпирическая апробация); (б) экспериментальные эмпирически обоснованные кумулятивные шкалы религиозности. Описываемый опыт конструирования шкал религиозности является поисковым и дискуссионным и выполнен как промежуточный этап работы по созданию русскоязычного когнитивно-ориентированного инструмента социологического измерения религиозности.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Основными концептуальными параметрами теоретической модели, определяющими ее валидность и границы применимости, являются: культурная инвариантность / культурная таргетированность, секуляризованность / традиционность, субстанциональный / функциональный характер, фокусировка на сознании / поведении. В современных условиях и при текущем состоянии социологических исследований наиболее корректной и универсальной является модель, которой присущи культурная инвариантность, секуляризованность, сочетание субстанциональных и функциональных черт и фокусировка на религиозном сознании.

2. Один из возможных путей конструирования модели религиозности, сочетающей названные параметры, заключается в дополнении социологического понимания этого явления инструментарием *когнитивной теории религии*. В данном случае достаточно распространенное в социологической науке понимание религиозности как состояния сознания верующих конкретизируется посредством теоретической реконструкции структуры и когнитивных функций религиозного мышления. Предложенная в диссертационной работе реализация когнитивно-ориентированного подхода к измерению религиозности не является единственно

⁴² Для прояснения разницы между одномерным и одновопросным инструментарием см., напр., Толстова Ю. Н. Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии (построение индексов, шкала Лайкерта, латентно-структурный анализ) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1997. N. 8. С. 54-65.

возможной, но при полученных результатах проверки отражающего ее измерительного инструмента может считаться валидной и заслуживающей дальнейшего обоснования.

3. Используемые в социологии инструменты измерения религиозности позволяют разделить их на одновопросные (т.е. включающие только один наблюдаемый признак) нольмерные, одновопросные одномерные, многовопросные одномерные, многовопросные многомерные и многовопросные иерархические. Анализ особенностей каждого из названных типов показывает, что более целесообразным и обоснованным является использование многовопросных одномерных или многомерных иерархических инструментов.

4. С учетом современного состояния теоретической базы и практических потребностей исследований религиозности в выборе между многомерным и многовопросным одномерным измерением (или иерархическим как расширением одномерного) более обоснованным является одномерное.

5. Наиболее распространенными и доступными практическому использованию моделями, применяемыми в многовопросном одномерном измерении религиозности, являются лайкертские и кумулятивные шкалы. Однако использование последних считаем более обоснованным и отвечающим принципам одномерного измерения при обязательном учете состояния религиозности на том или ином этапе социально-исторического развития общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Данное исследование представляет: а) постановку основных теоретических, методологических и методических проблем измерения религиозности, б) критический анализ существующих решений названных проблем, в) предложение и обоснование валидности шкал религиозности определенного вида. Исследование открывает возможность дальнейшего усовершенствования когнитивно-ориентированного измерения религиозности и кумулятивных шкал религиозности.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть полезны при подготовке эмпирических исследований, а также при чтении курсов «Методология и методы социологических исследований», «Измерение в социологии» и «Социология религии».

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 7 работ, 5 из них (включая 2 авторских перевода с английского языка) - в рецензируемых журналах, входящих в Перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав и заключения, изложенных на 203 страницах, содержит 6 таблиц, 13 рисунков, список литературы, включающий 258 источников, из них – 131 на русском и 127 на иностранных языках.

Основное содержание работы

Во Введении обоснована актуальность работы по анализу степени разработанности и обоснованности теоретико-методологических и методических оснований измерения религиозности, определены объект и предмет, цель и задачи исследования, сформулированы научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе «Теоретические основания исследования религиозности» автор анализирует литературу, рассматривает существующие концепции этого явления и их теоретическую основу.

В первом параграфе «Основные концепции религиозности» рассматриваются наиболее распространенные представления о феномене религиозности в их связи с более общими моделями религии. В первую очередь анализируются представления, относящиеся к периоду, предшествовавшему работе по концептуализации религиозности (т.е. к 19 – началу 20 века), анализируются концепции Конта, Маркса, Дюркгейма, Вебера, Зиммеля, каждая из которых имплицитно содержит религиозность как более узкое понятие.

Затем анализируются аналогичные по своей значимости концепции психологии: концепции Джеймса, Фрейда, Олпорта.

Наконец, рассматриваются когнитивистские модели, могущие обогатить социологическое понимание религиозности и способствовать решению некоторых стоящих перед измерением религиозности проблем.

Во втором параграфе «Понятие религиозности в современном социологическом анализе» рассматриваются концепции религиозности, используемые при социологическом ее измерении, выявляются специфические трудности, связанные с применением существующих теоретических моделей, предлагается возможное решение затруднений при измерении религиозности.

Производится вычленение параметров концепций, задающих границы их валидности, к которым (параметрам) относятся культурная инвариантность / культурная таргетированность,

субстанциональный / функциональный характер, секуляризованность / традиционность, фокусировка на сознании / поведении. Доказывается, что в современных условиях наиболее корректной будет являться модель, которой присущи культурная инвариантность, секуляризованность, фокусировка на религиозном сознании и сочетание субстанциональных и функциональных черт.

Целесообразность сочетания субстанциональных и функциональных черт связана со следующим. *Субстанциональные* дефиниции направлены на вычленение сущности феномена и преимущественно описывают религиозность как состояние сознания, связанное с верой в Бога или в сверхъестественное. *Функциональные* направлены на вычленение функции и связывают религиозность с понятием сакрального, групповой идентичностью и социальной деятельностью. Концептуальный анализ показал, что субстанциональный и функциональный подходы имеют специфические достоинства и недостатки, ограничивающие область их применимости. Так, *субстанциональные* концепции скорее адекватны применительно к «традиционным» верованиям, но оказываются не столь эффективны, когда речь заходит о новых или пограничных формах религиозности. *Функциональный* же подход, напротив, расширяет исследовательское поле, включая в него на основе общности функций также и посторонние явления, каковыми в зависимости от особенностей концепции могут являться идеология, философия, культурная или этническая идентичность и т.п. Поэтому на настоящем этапе развития социологии религии целесообразными являются усилия по разработке такой концепции, которая, с одной стороны, устанавливала бы жесткие границы понятия религиозности, а с другой – максимально их расширяла. Другими словами, искомая концепция религиозности должна специфически сочетать черты субстанционализма и функционализма.

Целесообразность фокусировки модели религиозности на сознании индивида и придании ей секуляризованного характера (освобождении понятия религиозности от свойств, предписываемых ему основными религиозными традициями⁴³), продиктована трансформационными секуляризационными процессами. В результате их действия религия в значительной степени была плюрализована, индивидуализирована⁴⁴, деинституционализована и «приватизирована», т.е. перенесена в частную сферу жизни, что выражается в ослаблении связи верующих с церквями, сокращении участия в обрядах,

⁴³ Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Социологические исследования. 2011. N. 1. С. 123-136.

⁴⁴ Белла Р. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. 1996. Ч. 2. С. 134-149.

размытию содержания религиозных представлений⁴⁵. В описанных условиях «классический» подход к религиозности⁴⁶ как заданному набору верований и практик теряет свою актуальность. Напротив, религиозность как свойство сознания современных верующих, большинство из которых живут вне тесной связи с религиозными традициями и институтами, должна пониматься достаточно широко, без привязки к строго определенным представлениям или поведению.

Целесообразность создания концепции, инвариантной относительно культуры, обусловлена тем, что для количественного социологического исследования достаточно общего плана, которое предполагает изучение современного мультиконфессионального и мультирелигиозного общества, агрегирование данных о религиозности различных групп населения, экстраполяцию полученной информации на все население России, - для такого исследования требуется инструмент, обеспечивающий корректное и единообразное измерение религиозности независимо от конфессиональных, культурных и пр. особенностей.

Другим решением данной проблемы могла бы стать целенаправленная разработка концепций и измерителей религиозности для каждой отдельной религии или для каждого типа религиозности (традиционная, нетрадиционная и т.п.). Однако в процессе такой работы исследователь неизбежно должен был бы столкнуться с проблемой несопоставимости данных для разных религиозных групп, проблемой дублирования концептов, чрезмерным увеличением объема анкеты и, кроме того, такая работа потребовала бы глубокого концептуального анализа всех существующих религий, что кажется особенно затруднительным применительно к разнообразным новым религиозным движениям, неинституционализированным и индивидуализированным верованиям. Более доступным для практической реализации решением является разработка культурно инвариантной, секуляризованной, сфокусированной на сознании, субстанционально-функциональной модели религиозности, которая явилась бы дополнением уже существующих социологических инструментов.

Концепция, соединяющая искомые параметры, конструируется автором путем дополнения инструментария социологии религии моделями когнитивной теории религии и заключается в следующем. Во-первых, религиозность рассматривается на уровне индивидуума – как

⁴⁵ Каргина И. Г. «Фуззи» религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. N. 4. С. 89-96.

⁴⁶ Лебедев С. Д. Парадоксы религиозности в мире позднего модерна // Социологические исследования. 2010. N. 12. С. 85-93.

«фундаментальная устроенность» сознания⁴⁷, (а) могущая выражаться в формах институционализированной религии и вне таковых, (б) не предполагающая «логическую необходимость существования определенного содержания» верований⁴⁸, предписанного какой-либо религиозной традицией.

Во-вторых, названную фундаментальную устроенность религиозного сознания предлагается понимать как смысловое упорядочивание мира, основанное на принципе антропоформизма. Такое упорядочивание, обусловленное функционированием присущего человеческой психике «сверхактивного устройства обнаружения сознательного агента»⁴⁹, заключается в том, что религиозный человек осмысляет происходящие события и явления посредством увязывания их с волей человекоподобного или человекоподобных, т.е. сознательных и целенаправленно действующих существ. Так, события и явления различной природы (психической, социальной, физической и т.д.) и уровня (микро-, мезо-, макро-) объясняются религиозным сознанием как проявление воли Бога, богов, духов или других человекоподобных существ. Конкретные свойства и наименования названных существ могут различаться в зависимости от религиозной традиции или содержания индивидуализированных религиозных представлений, но все они объединены общими для них свойствами сознательности и целенаправленности.

В-третьих, поскольку представление о гипостазированных антропоморфных существах широко распространено (вера в их существование в какой-либо форме наблюдается у большинства населения⁵⁰), постольку само по себе наличие у респондента таких представлений не является достаточно чувствительным критерием и требует дополнения, которое бы позволило не только фиксировать факт религиозности, но и оценивать ее степень. Такое дополнение может заключаться в том, насколько легко, регулярно и применительно к каким явлениям человек актуализирует свою религиозность. Теоретические основания этого связаны со следующим. В соответствии с концепцией «нисходящих влияний» конкретное религиозное содержание актов восприятия обуславливается контекстуальными факторами и более общими

⁴⁷ Зиммель Г. К вопросу о гносеологических истоках религии // Избранное. Философия культуры. М., 1996. Т. 1. С. 609.

⁴⁸ Зиммель Г. К вопросу о гносеологических истоках религии // Избранное. Философия культуры. М., 1996. Т. 1. С. 610.

⁴⁹ Barrett J. L. Exploring the natural foundations of religion // Trends in Cognitive Sciences. 2000. N. 1. P. 29-34.

⁵⁰ См., напр., Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России рубеже XX–XXI столетий (Окончание) // Общественные науки и современность. 2007. N. 2. С. 78-95.

знаниями о мире, структурированными религиозными понятиями⁵¹. «Хроническая активация конструктора религии», в терминах когнитивного анализа, или, другими словами, устойчивое обращение к религиозным понятиям обеспечивает то, что верующий человек рассматривает происходящие события в религиозном ключе.

Описанное понимание религиозности позволяет одновременно включить в исследовательский фокус все религиозные феномены (включая относящиеся к не институционализированной религии и новым религиозным движениям) и разграничить религиозность и сопредельные явления (например, гражданские культы, идеологии и т.п.), что является для социологической науки существенной проблемой⁵². Представленную концептуализацию предлагается использовать как теоретическое основание когнитивно-ориентированной шкалы религиозности.

Автор предлагает также операциональное определение, соответствующее приведенным концептуальным положениям: религиозность – это свойство сознания, заключающееся в упорядочивании мира на основе антропоморфной интерпретации и реализующееся в соответствующих (то есть связанных с антропоморфными сущностями) восприятии, мышлении и действиях. Данное определение предлагается в качестве предварительного, поискового варианта когнитивно-ориентированного определения религиозности, которое бы отвечало потребностям измерения в социологии.

В третьем параграфе «Методологические основы измерения религиозности» выполняется содержательный анализ основных показателей религиозности, используемых в социологических измерениях. С точки зрения содержания наиболее распространенные признаки, используемые при измерении религиозности, могут быть классифицированы следующим образом: признаки, отражающие а) религиозную / конфессиональную самоидентификацию, б) содержание верований, в) обрядовое поведение и культовые действия, г) знание вероучения, д) опыт связи с трансцендентным, е) внекультовое религиозно ориентированное поведение (участие в жизни общины, прозелитизм), ж) проявления религиозности в обыденной жизни (религиозно мотивированные оценки или действия в связи с политической, социальной, психологической, экономической и пр. проблематикой), з) самооценка степени религиозности или важности религии в жизни, и) установки по

⁵¹ Blaine B. E., Nguyen D. B. Believing is Seeing: Religiousness and Perceptual Expertise // The International Journal for the Psychology of Religion. 2002. V. 12. Is. 2. P. 93-107.

⁵² Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала «предрасположенность к религиозности»: концептуальные основы // Социологические исследования. 2016. N. 6. С. 65-71.

отношению к религиозным институтам, организациям, представителям, к) источник религиозности (воспитание, личный выбор, какой-либо авторитет и т.д.), а также религиозность социального окружения (вероисповедание родителей, мужа / жены и т.п.), л) потребность в религиозности (восприятие ее психологических и социально-психологических функций – смысл жизни, страдания, чувство принадлежности и пр.). Названные группы признаков различаются по своей валидности, отражают религиозность в разной мере и в разных отношениях. Увеличение эффективности и обоснованности использования существующих признаков требует дальнейшей работы по их систематизации, упорядочивания на основе связи с концепциями и определениями религиозности.

Во второй главе «Методические основания измерения религиозности» анализируются основные методические проблемы измерения религиозности, предлагаются их возможные решения.

В первом параграфе «Размерность социологических шкал религиозности» производится анализ инструментов измерения религиозности на предмет размерности. Анализ включает: 1) типологию, в которой инструменты измерения религиозности разделены на (а) одновопросные нольмерные (пороговые), (б) одновопросные одномерные, (в) многовопросные одномерные, (г) многовопросные многомерные и (д) многовопросные иерархические инструментари, 2) выявление трудностей многомерного измерения религиозности и предложение использовать одномерное или иерархическое как более адекватное состоянию социологической науки, 3) рассмотрение проблемы многомерности распространенных признаков религиозности, которая затрудняет их использование в социологическом исследовании.

Названная типология позволяет утверждать, что первые (нольмерные) инструменты обеспечивают разделение изучаемой совокупности на две группы – религиозных и нерелигиозных респондентов – посредством одного наблюдаемого признака – к примеру, вопроса вида «считаете ли Вы себя верующим человеком?». Вторые представляют измерение посредством одного вопроса, отражающего используемую в исследовании концепцию; итоговое значение религиозности определяется ответом респондента и откладывается на порядковой или более высокой шкале. Третьи включают несколько вопросов, значения которых обрабатываются в соответствии с логикой применяемой шкалы, в совокупности образуя итоговое значение религиозности. Четвертые разделяют религиозность на некоторое количество несвязанных или слабосвязанных (не допускающих редукции) переменных, каждая из которых характеризует религиозность в определенном отношении; каждая такая переменная

операционализируется посредством одного или нескольких вопросов. Последние представляют конструкцию, в которой одно- или многовопросный одномерный инструмент измерения религиозности дополняется еще одним рядом вопросов, направленных на выявление характера религиозности. Названные техники измерения религиозности обладают своими достоинствами и недостатками, спецификой задач, решаемых с их помощью, и ограничениями их применения. Однако учитывая, что с помощью нольмерных измерений возможно определение лишь уровня религиозности в изучаемой популяции, но не ее степени, а одновопросные инструменты (включая нольмерные и одномерные) в большей степени подвержены концептуальным смещениям, чем многовопросные, т.к. они не имеют средств подтверждения одномерности входящего в них наблюдаемого признака, более обоснованным является использование многовопросных одномерных, многомерных или иерархических инструментов.

В этом контексте нерешенной методолого-методической проблемой, возникающей при измерении религиозности, является выбор одномерного или многомерного измерения (иерархическое измерение при этом понимается как расширение одномерного подхода). Оба методологических решения являются апробированными и имеют большую традицию. Однако применение многомерного измерения религиозности связано с дополнительными трудностями, которых лишен одномерный подход. Эти трудности определяются (а) необходимостью формирования исчерпывающей совокупности релевантных признаков религиозности, совокупности, которая на текущий момент не была кем-либо бесспорно обоснована с теоретической, эмпирической или доопытной точки зрения, (б) необходимостью установления весовых коэффициентов и отношений между признаками религиозности, что было бы возможно в рамках строго формализованной многомерной концепции религиозности, которой в настоящее время не существует. До тех пор, пока данные трудности не будут преодолены (чего может и не произойти), одномерный подход можно считать более предпочтительным как в большей степени отвечающий современному состоянию теории и потребностям социологического исследования.

Во втором параграфе «Уровень измерения в исследовании религиозности» анализируются уровни измерения социологических показателей религиозности и сложности, возникающие при использовании преобладающей (стивенсовской) типологии уровней измерения. При этом производится анализ используемых инструментов на предмет их принадлежности к тому или иному уровню, приводится классификация с соответствующими примерами, а также рассматриваются специфические трудности определения уровня измерения некоторых

распространенных шкал религиозности, на основе чего делается вывод о желательности дополнения стивенсовского понимания уровня измерения. Такое дополнение, в самом простом случае, может заключаться, в учете содержательных соображений относительно исследуемого материала и используемого измерительного инструмента, которые могут диктовать как дополнительные ограничения, так и дополнительные возможности анализа. При определении уровня измерения также можно (и следует) принимать во внимание и другие, возможно, не столь известные типологии, например, типологию измерений Кэттелла⁵³, в которой измерения подразделяются на нормативные, ипсативные и интерактивные и которая дает дополнительные основания для определения совокупности корректных / «допустимых» аналитических процедур, выполняемых с результатами измерения.

В третьем параграфе «Модели измерения в исследовании религиозности» выполняется анализ основных моделей измерения, применяемых при исследовании религиозности. Анализ основан на рассмотрении существующей литературы и представленных в ней измерительных инструментах. Фокус анализа направлен на сравнительно сложные модели измерения, лежащие в русле тестовой традиции; элементарным одновопросным номинальным и порядковым шкалам в силу их заведомо меньшей информативности и, при прочих равных, меньшей надежности и валидности уделено меньше внимания.

При многовопросном (multi-item) измерении религиозности, как правило, используются лайкертовская и гуттмановская модели шкал. Использование каждой из них в исследованиях религиозности является обоснованным, но в каждом случае связано со особыми методическими проблемами. Несмотря на простоту конструирования и использования лайкертовского инструментария, который является наиболее распространенным, гуттмановское измерение религиозности имеет ряд преимуществ. Они проявляются в следующем: (а) гуттмановская модель обладает большими средствами подтверждения одномерности исследуемого концепта, чем шкалы лайкертовского типа (для чего она и была разработана⁵⁴), (б) эта модель в рамках кэттеллевской типологии измерений относится к нормативному измерению⁵⁵ и, следовательно, производимые с ее помощью наборы признаков религиозности образуют эмпирически осмысленные (для исследуемой выборки) шкалы, (в) анализ гуттмановских данных не требует обязательного достижения интервального (или выше) уровня

⁵³ Cattell R.B. Psychological measurement: normative, ipsative, interactive // Psychological Review. 1944. V. 51. N. 5. P. 292-303.

⁵⁴ McIver J. P., Carmines E. G. Unidimensional scaling. Newbury Park, 1981. P. 40.

⁵⁵ Cattell R.B. Psychological measurement: normative, ipsative, interactive // Psychological Review. 1944. V. 51. N. 5. P. 292-303.

измерения, что является хотя и часто игнорируемой, но оттого не менее важной проблемой лайкертовского дизайна, (г) процедура построения гуттмановской шкалы относительно проста и не требует трудновыполнимых процедур, как в случае со шкалой Терстоуна, хотя, разумеется, требует выполнения ряда специальных логических условий. Таким образом, в измерении религиозности гуттмановская модель может являться более предпочтительной.

В третьей главе «Эксперимент по построению шкалы религиозности» описывается опыт конструирования измерителя религиозности.

В первом параграфе «Построение порядковой когнитивно-ориентированной шкалы религиозности и ее валидизация» производится пробная операционализация теоретической модели, сформулированной в первой главе диссертации, согласно которой под религиозностью понимается устойчивая активация религиозного сознания, упорядочивающего мир на основе антропоморфных интерпретаций. В проводимом нами эксперименте для валидизации определения требуется перевести эту абстракцию («антропоморфная интерпретация мира») на повседневный язык, который может быть использован в формализованном интервью. Представляется, что антропоморфизм, свойственный человеческому сознанию, накладывает достаточно явный отпечаток на понятийные системы, чтобы можно было осуществить такой перевод без критической потери смысла. В русском языке абстрактная антропоморфная сущность, выступающая в качестве упорядочивающей мир инстанции, может быть обозначена термином «высшие силы». Представляется, что верующие смогут соотнести в этой словесной форме предметы своих верований – будь то монотеистический Бог, политеистические боги или синкретичный Дух или духи и т.п. Таким образом, операционализация, основанная на использовании понятия «высших сил», направлена на расширение социологического анализа религиозности. Названный семантический переход и основанная на нем операционализация, разумеется, не являются единственно возможными и выполнены в порядке эксперимента. Соответствующий вопрос анкеты сформулирован следующим образом:

Скажите, пожалуйста, как часто Вы обращаетесь в мыслях или действиях к высшим силам? Выберите один вариант ответа.

- 1) Сейчас вся моя жизнь связана с такими обращениями;*
- 2) Постоянно обращаюсь в своей повседневной жизни;*
- 3) Обращаюсь, в основном, по праздникам или другим календарным датам;*
- 4) Обращаюсь, если происходит что-то достаточно важное, например, болезнь или большая радость;*

- 5) *Обращаюсь в исключительных случаях, например, при смерти или рождении близких;*
- 6) *Практически никогда не обращаюсь.*

Формулировка вариантов ответа продиктована следующим. Религиозность, будучи латентной переменной, должна эмпирически проявляться не в том, называет человек себя верующим или нет, и даже не в том, включает ли человек свои мысли, поступки и действия в религиозный контекст или нет, а в том, насколько легко и постоянно он это последнее делает. В терминах описанного в первой главе когнитивного подхода это обозначается как «хроническая активация конструкта религии». На основе этой модели конструируется общая форма шкалы религиозности: индивиды располагаются на ней от тех, кто весь мир видит сквозь призму религии, до тех, кто в таком ключе о мире практически не думает. Прямым способом измерения религиозности в таком понимании был бы вопрос о частоте активации религиозного сознания. Но оценить ее самостоятельно, скорее всего, способно меньшинство потенциальных респондентов, и из них крайне немногие смогли бы дать относительно адекватную оценку. Полезным вспомогательным средством здесь может служить привязка к классам событий, случающихся с разной частотой. Соответственно формулировка вариантов ответов направлена на выявление совокупности событий, при которых у респондента активируется религиозный компонент сознания.

С помощью приведенной операционализации автор выполняет процедуру валидации принятых теоретических положений. Дизайн валидации выполняется в форме анализа корреляции этой предварительной когнитивно-ориентированной шкалы религиозности и десятибалльной шкалы самооценки религиозности, аналогичной используемой, например, в Европейском социальном исследовании. Опрос проходил в январе 2014 г. на сайте интернет-панели anketer.org. Была получена выборка ее участников численностью 881 человек. Поскольку одной из главных проблем онлайн-опросов является трудность контроля респондентов, исходная выборка была подвергнута простейшей фильтрации на основе данных хронометрии. По обоим вопросам определялись анкеты, в которых ответ давался «слишком быстро» (время ниже 5-го перцентиля, что могло свидетельствовать о бездумном пролистывании) или «слишком медленно» (время выше 95-го перцентиля, здесь возможной проблемой было отвлечение внимания респондентов). Оставшиеся в результате 742 анкеты были подвергнуты дальнейшему анализу. Средняя сила корреляционной связи (коэффициент корреляции Пирсона 0,5 при $p \leq 0,01$ на выборке онлайн панели $n=742$ респондента) позволяют автору сделать вывод об относимости приведенной 6-балльной шкалы к измерителям

религиозности, и оценить первичную эмпирическую валидизацию как удовлетворительную, а предложенные теоретические основы – как представляющие интерес для дальнейшего исследования.

Во втором параграфе «Конструирование одномерных кумулятивных когнитивно-ориентированных шкал религиозности» описывается процесс конструирования и апробации шкал гуттмановского типа. Данный процесс произведен в три этапа. Во-первых, сформирован широкий перечень признаков религиозности / анкетных вопросов, потенциально подходящих для гуттмановской когнитивно-ориентированной шкалы религиозности – 44 суждения с дихотомией согласия / несогласия и 5 множественных вопросов с количеством категорий от 6 до 13. Во-вторых, эта совокупность признаков в июне 2015 протестирована на выборке упомянутой онлайн панели объемом 503 респондента (после чистки данных). В-третьих, на основе полученных данных составлены гуттмановские наборы, обладающие удовлетворительными показателями качества шкалы, равномерностью размещения признаков в пространстве оси латентного континуума и достаточно полным охватом названного пространства. При этом автор исходит из впоследствии подтвердившегося секуляристского предположения, что контексты, в которых активируется религиозное мышление, могут быть иерархически упорядочены на основании степени публичности / частности этих контекстов: чем в большей мере контекст принадлежит частной жизни, тем больше в нем будет проявляться религиозность. Перевод «антропоморфной интерпретации» на обыденный язык, как и в первой операционализации, в большинстве случаев выполнен с использованием конструкта «высших сил».

Полученные кумулятивные когнитивно-ориентированные шкалы являются экспериментальными и для более полной валидизации нуждаются в тестировании на репрезентативной всероссийской выборке. Если при таком тестировании распределение шкальных пунктов и коэффициенты воспроизводимости / шкалируемости / аналогичных показателей останутся удовлетворительными, как и в проведенном тестировании в онлайн опросе, то данные шкалы можно будет обоснованно использовать в социологических исследованиях. Кроме того, описанная работа по конструированию шкал открывает перспективу дальнейшего усовершенствования кумулятивных когнитивно-ориентированных измерителей религиозности, которая может состоять, например, в поиске и обосновании новых, более удачных формулировок, дополнительных признаков, применению вероятностного расширения гуттмановских шкал и т.д.

В Заключении диссертации изложены основные выводы выполненного исследования.

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Типология уровней измерения в социологии: традиционные и альтернативные подходы // Вестник РГГУ (Серия «Социологические науки»). 2012. № 2. С. 86–97.
2. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–97.
3. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала «предрасположенность к религиозности»: концептуальные основы // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71.
4. Фолкнер Д., Де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 69–77. (перевод В. И. Хоменко).
5. Веллеман П. Ф., Уилкинсон Л. Типологии номинальных, ординальных, интервальных и относительных шкал вводят в заблуждение // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 166–193. (перевод В. И. Хоменко).

Публикации по теме диссертации в других изданиях

1. Хоменко В. И. Идеология Русской православной церкви: намерения и реальность // Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко ; ред.-сост. Р.И. Анисимов. М: РГГУ, 2011. С. 491-498.
2. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Проблема дихотомической классификации при построении кумулятивной шкалы религиозности // Система ценностей современного общества: Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 124-128.